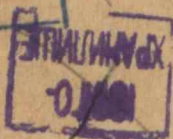

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Р О Д И Н А
★
К Р О В Ъ Н А Р О Д А

О Г И З
Чкаловское издательство
1 9 4 1

01534-2

РФ-С-01534-2

Есть электронная
копия

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ЛМИЗ (ОБЛ)
Т82

ЛМИЗ (ОБЛ)

РОДИНА
★
КРОВЬ НАРОДА

01834-2
ПРОВЕРЕНО
1965

Чкаловская
областная библиотека
читальня № _____

ОГИЗ
Чкаловское издательство
1941

Р О Д И Н А

За эти месяцы тяжелой, решающей борьбы мы все глубже познаем кровную связь с тобой и все больше любим тебя, Родина.

Надвинулась общая беда. Враг разоряет нашу землю, от пожараща к пожарищу бороздит ее тапками и все наше — вековечное — хочет назвать своим. Тогда счастливый и неудачник собираются у своего гнезда. Даже и тот, кто хотел укрыться, как сверчок в темную щель и пошвыстывать там до лучших времен, и тот понимает, что теперь нельзя спастись в одиночку.

Гнездо наше, родина, возобладала надо всеми нашими чувствами. И все, что мы видим вокруг, и все, что раньше, быть может, мы и не замечали и не ценили, как пахнувший ржаным хлебом дымок из занесенной снегом избы, — пронзительно дорого нам. Человеческие лица, ставшие такими серьезными, и глаза всех — такими похожими — глаза людей с одной всепоглощающей мыслью, и говор русского языка, — все это наше, родное, и мы — живущие в это лихолетие — хранители и сторожа родины нашей.

Все наши мысли — о ней, весь наш гнев и ярость — за ее поругание, и наша готовность — умереть за нее. Жертвенность, как тень, всегда сопутствует напряженной и большой любви. Так юноша говорит своей возлюбленной: дай мне умереть за тебя! Родина — это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это — вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущих свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неодолимость своего места на земле.

Когда-нибудь, наверно, национальные потоки сольются в одно безбурное море — в единое человечество. Но для нашего века это — за пределами мечты. Наш век — это суровая, железная борьба за свою независимость, за свою свободу и за право строить по своим законам свое общество и свое счастье. Бешеный фашизм враждебен всякой национальной культуре, в том числе и немецкой, всякую национальную культуру он стремится разгромить, уничтожить и стереть. Его пангерманская идея: «весь мир — для немцев», — лишь ловкий прием большой финансовой игры, где страны, города и люди лишь особый вид безликих биржевых ценностей, брошенных в тотальную войну. Немецкие солдаты, которых берут в плен под Можайском, Малоярославцем и под Ленинградом, — так же обезличены, потрепаны и грязны, как бумажные деньги в руках аферистов и прочей международной сволочи.

Эти пленные, — предполагаемые украинские землевладельцы, ново-

явленные орловские помещики, гордые арийцы, хозяева мира, международные жандармы, владыки всех океанских путей, — трясутся от холода и гриппа в рваных, без исподнего белья, гимнастерках, скребут вшей и грязь и хотят только одного: конца войны, — это им Гитлер обещал при взятии Москвы. Фашистское командование валит и валит, как из мешка, эту отупевшую человеческую массу на красноармейские штыки и пушки. Они идут, ни во что уже больше не веря, — ни в то, что когда-то жили у себя на родине, ни в то, что когда-нибудь вернутся: Германия это только фабрика военных машин и место формирования пушенного мяса. Впереди — смерть, позади — террор и чудовищный обман. Их гонят с автоматами. Эти люди намерены нас победить, бросить себе под ноги, наступить нам сапогом на шею, нашу родину назвать Германией, изгнать нас навсегда из Москвы, из всей нашей земли «оттич и дедич», — как говорили предки наши.

Земля оттич и дедич, это те берега полноводных рек и лесные поляны, куда пришел наш пращур — жить навечно. Он был силен, бородат, в посконной длинной рубахе, соленой на лопатках, смышлен и нетороплив, как вся дремучая природа вокруг него. На бутре над рекой он огородил тылом свое жилище и поглядел по пути солнца в даль веков, и ему помешало многое: тяжелые и трудные времена, — красные щиты Игоря в половецких степях, и стоны русских на Калке, и установленные под хоругвями Дмитрия мушкетерские коня на Куликовом поле, и кровью залитый лед Чудского озера, и Грозный царь, раздвинувший единые, ныне нерушимые, пределы земли — от Сибири до Вятского моря: и снова — дым и пепелища великого разорения... Но нет такого лиха, какое уселось бы прочно на плечи русского человека. Из разорения Смуты — государство вышло и устроилось и окрепло сильнее прежнего. Народный бунт, прокатившийся вслед за тем по всему государству, утвердил народ в том, что сил у него хватает, чтобы стать хозяином земли своей. Народ сообразил свои выгоды и пошел за бронзовым всадником, поднявшим коня на берегу Невы, указывая путь в великое будущее...

Многое мог увидеть пращур, из-под ладони по солнцу. «Ничего, мы сплужим», — сказал он и начал жить. Росли и множились позади него могилы отцов и дедов, рос и множился его народ. Дивной вязью он плел невидимую сеть русского языка, — яркого, как радуга вслед весеннему ливню, меткого, как стрелы, задумчивого, как песня над колыбелью, певучего и богатого. Он назвал все вещи именами и воспел свой труд. И дремучий мир, на который он накинута волшебная сеть слова, покорился ему, как обузданный конь, и стал его достоинством, и для потомков его стал родиной — землей оттич и дедич.

Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые поговорки и хитрые загадки, врачевание, сопровождавшееся заговорами, веселые и печальные обрядовые песни, торжественные былины, — говорившиеся параснег, под звон струн, — о славных подвигах богатырей,

защитников земли и народа, героические волшебные, бытовые и пересмешные сказки. Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга, — она была достоинством и умом народа, она становилась и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души, и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов.

Ни один из европейских народов не владеет таким художественным богатством. Там, на западе, племена получили в наследство римскую цивилизацию, которую они до сих пор переваривают и не могут переварить. России достался в удел пустынный лес да дикая степь. Вплоть до восемнадцатого века Россия жила по курным избам и все будущее богатство свое и счастье создавала и носила в мечтах, как скатерть самобранку, — за пазухой. Народ верил в свой талант, знал, что настанет его черед и другие народы потеснятся, давая ему почетное место в красном углу. Но путь к этому был долг, труден и извилист. Византийская культура древнего Киева погибла под копытами татарских коней. Владимиро-Суздальской Руси пришлось почти четыре столетия бороться и с Золотой Ордой, и с Тверью, и Рязанью, и с Новгородом, собирав и укрепляя землю. Во главе этой борьбы стала Москва.

Началась она с небольшого городища в том месте, где речонка Яуза впадает в Москву-реку. В этом месте заворачивал на клязьминский волок зимний торговый путь по льду — по рекам — из Новгорода и с Балтийского моря — в Болгары на Волге и далее — в Персию.

Младший Мономахович — удельный князь Юрий — поставил при устье Яузы мытный двор, чтобы брать дань с купеческих обозов, поставил другой мытный двор в Мытищах на Клязьме и поставил деревянный город — Кремль — на бугре над Москвой-рекой. Место было бойкое, торговое, с удобными во все стороны зимними и летними путями. И в Москву стал тянуться народ из Переславля Залесского, из Суздаля и Владимира и других мест. Москва обрастала слободами. По всей Руси прогремела слава ее, когда московский князь Дмитрий, собрав ополчение, пошатнул татарское иго на Куликовском поле. Москва становилась сосредоточием, сердцем всей русской земли, которую иноземцы уже стали называть Московией.

Иван Грозный, последний князь из гнезда Мономаха, завершил дело, начатое его отцом и дедом, — со страстной настойчивостью и жестокостью он разломал обветшавший застой удельной Руси, разгромил вотчинников князей и самовластное боярство и основал единое русское государство и единую государственность с новыми порядками и новыми задачами огромного размаха. Государство не может быть прочным без высокой нравственно-общественной идеи, — Грозный и его сотрудники понимали это. Национальные идеи, бродившие в народе в тот далекий век, были: единогласие царя московского взамен раздробленному и пагубному многовластию удельных князей и боярства, возвращение древ-

них русских земель на Прибалтике, чтобы открыть путь в море, хозяйственное самоуправление городских и сельских общин взамен грабительского разорения кормщиков — воевод, и, наконец, очищение и нравственный подъем всего общества.

Эти задачи были поставлены Грозным со всем размахом его проницательного и горячего, смелого и едкого ума, со всеми ошибками его властной воли и творческой фантазии, часто переходящей границы возможного. Но таково было постоянное стремление всей Руси, — взлет в непомерность. Русское государство мыслилось, как третья по счету времен великая восточная империя, хранительница и поборница незапятнанной нравственной правды: был Рим, была Византия, теперь — Москва. Об этом говорят документы того времени; переписка Грозного с его смертельным врагом Курбским вся наполнена спором о высших нравственных задачах единой власти.

Москва при Грозном обстраивается и украшается, огромные богатства стекаются в нее из Европы, Персии, Средней Азии, Индии, она оживляет торговлю и промыслы по всей стране и бьется за морские торговые пути. С Поклонной горы она казалась сказочным городом, — среди садов и рощ виднелись сорок сороков медных и жестяных церковных куполов и маковок, вдоль круговых и лучевых узких улиц и переулков, вымощенных бревнами, теснились узкие, в два этажа, бревенчатые дома, над ними поднимались ярко и пестро расписанные чудные и вычурные — то как луковица, то как бочки, то как пишаки — кровли палат и дворцов.

Кремль стоял над Москвой, как и сейчас стоит, только на месте колокольни Ивана Великого, поставленной при Годунове, стояла круглая красная башня с колоколами, — под ней ставили на правед должников и там же сидели площадные подьячие, строча грамоты и князюзы. Центр всей народной жизни был на Красной площади, — здесь шел торг, сюда сбегался народ во время смуты и волнений, здесь вершились казни, отсюда цари и митрополиты говорили с народом, здесь произошла знаменитая, шекспировской силы, гениальная по замыслу и эффекту, сцена между Иваном Грозным и народом, — опричный переворот; здесь через четверть века на лобном месте лежал убитый Лжедмитрий в овечьей маске и с дудкой, сунутой ему в руки; отсюда нижегородское ополчение пошло штурмом на засевших в Кремле поляков; с этих стен на пылающую Москву хмуро глядел обреченный Наполеон. Не раз, сгорая до тла и восставая из пепла, Москва, — даже, оставшись после Петра «порфиноносной вдовой», не утратила своего значения, — она продолжала быть сердцем русской национальности, сокровищницей русского языка и искусства, источником просвещения и свободомыслия даже в самые мрачные времена, узлом торговли и промышленности.

Настало время, когда европейским державам пришлось потесниться и дать место России в красном углу. Сделать их это заставлял русский народ, разгромивший, не щадя жизней своих, непобедимую армию Напо-

леона. Русскому низко тогда кланялись короли и принцы всей Европы, хвалили его доблесть, и парижские девицы ходили под ручку с усатыми гренадерами и чубатыми донскими казаками по Булонскому лесу. Но не такой славы и не такого себе места хотел русский народ. — время сидеть ему в красном углу было еще впереди. Все же огромный национальный подъем всколыхнул все наше государство, творческие силы рванулись на поверхность с мутного дна крепостнического болота, и наступил блистательный век русской литературы и искусства, открытый звездой Пушкина.

Недаром пращур плел волшебную сеть русского языка, недаром его поколения слагали песни и плясали под солнцем на весенних буграх, недаром московские люди сидели по вечерам при восковой свече над книгами, а иные — в лесных пустыньках, а иные, как неистовый поп Авакум, в яме в Пустоозерске, и размышляли о правде человеческой и записывали уставом и полууставом мысли свои, недаром буйная казачья воляница разметывала переизбыток своих сил в бегах и битвах, недаром старушки-заворонки и бродящие меж дворов старики за ночлег и ломоть хлеба рассказывали волшебные сказки, — все, все, вся широкая, творческая, страстная, взыскующая душа народа русского нашла отражение в нашем искусстве девятнадцатого века. Оно стало мировым и во многом повело за собой искусство Европы и Америки.

✓ Русская наука дала миру великих химиков, физиков и математиков. Первая паровая машина была изобретена в России, так же, как вольтера дуга, беспроводный телеграф и многое другое. Людям науки, и в особенности изобретателям, приходилось с невероятными трудами пробивать себе дорогу, и много гениальных людей так и погибло для науки, не пробившись, — свободная мысль и научная дерзость ломали свои крылья о невежество и косность царского политического строя. Россия медленно тащила колеса по трясине. А век был такой, что отставание — «смерти подобно». Назревал решительный и окончательный удар по всей преступной системе, кренившей Россию в пропасть и гибель. И удар произошел, оглозавшись раскатами по всему миру. Народ стал хозяином своей родины.

— Пращур наш, глядя посолонь, наверно разлил в дали веков эти дела своего народа и сказал тогда на это: «Ничего, мы сдюжим...».

И вот, смертельный враг загораживает нашей родине путь в будущее. Как будто тени минувших поколений, тех, кто погиб в бесчеловечных боях за честь и славу родины, и тех, кто положил свои тяжкие труды на устройство ее, обступили Москву и ждут от нас величия души и велят нам: свершайте!

На нас всю тяжестью легла ответственность перед историей нашей родины. Позади нас — великая русская культура, впереди — наши необъятные богатства и возможности, которыми хочет завладеть навсегда фашистская Германия. Но эти богатства и возможности — бескрайние земли и леса, неископанные земные недра, широкие реки, моря и

океаны, гигантские заводы и фабрики, все тучные нивы, которые заколосятся, все бесчисленные стада, которые лягут под красным солнцем на лугах и склонах гор, все изобилие жизни, которого мы добьемся, вся наша воля к счастью, которое будет, — все это, — неотъемлемое наше наследство, все это — наследство нашего народа, сильного, свободолюбивого, правдолюбивого, умного и не обиженого талантом.

Так неужели можно даже помыслить, что мы не победим! Мы сильнее обоживевших немцев. Чорт с ними! — их миллионы, нас — миллионы вдвойне. У них на данное время преимущество в вооружении, особенно танков. Но из ружья стреляет человек, Красная Армия истребляет этого стреляющего человека. Все опыжнее, увереннее и хладнокровнее наша армия делает свое дело — истребления немцев. Они ведут отчаянную и — по их расчетам — последнюю ставку за Москву в исторической надежде хотя бы по сотням тысяч своих трупов пробиться к сердцу нашей родины. Расчет неверный и надежда безумная. Москва это больше, чем стратегическая точка, больше, чем столица государства. Москва — это идея, охватывающая всю нашу культуру во всем ее национальном движении, через Москву — наш путь в будущее. Под Москвой германская военная машина изнеможет. И тогда изменится весь ход войны. Как Иван из сказки, схватился здесь русский народ с чудом юдом двенадцатиглавым на калиновом мосту. «Разъехались они на три прыска лошадиных и ударились так, что земля застонала, и сбил Иван чуду юду все двенадцать голов и покидал их под мост».

Земля опит и дедич немало поглотила полчищ наезжавших на нее васильников. На западе возникали империи и гибли, из великих становились малыми, из богатых — нищими. Наша родина ширилась и крепла, и ничто не могло пошатнуть ее. Так же без следа, поглотит она и эти немецкие орды. Так было, так будет. «Ничего, — мы 'сложим».

КРОВЬ НАРОДА

Говорили, что Москва сгорела от копеечной свечки. Наполеон, задумывая поход на Россию, не предусмотрел этой копеечной свечки и слишком поздно понял, что огонь ярого воска горит в каждом сердце русского человека, и Россия — не какая-нибудь Пруссия, которая сразу же — при первом ударе под Иеной — покорно стала на колени ради спасения животных своих.

Россия широка, и размах ее жизни широк. Сжигая древнюю Москву, чтобы один пепел остался наполеоновской двенадцатизычной армии, русские спасли свою святыню — отечество: сохранен будет корень — высохнут слезы, заживут раны, и миллионы золотых рук — камень за камнем — заново сложат Москву, богаче прежней.

С наименьшей жертвы началась жизнь молодой, вконец разоренной, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. В начале восемнадцатого года пришлось дорогой ценой купить короткую передышку, чтобы собрать разбегавшиеся силы страны, создать на смену распавшейся царской армии революционную Красную Армию и спасти основное и главное: независимость, где забил источник всечеловеческой правды. Или погибнуть, или завоевать себе право устроить жизнь по правде — так был поставлен вопрос, и все промежуточные компромиссные решения отвергнуты.

Немцы тотчас же, вероломно и подло, нарушили условия договора 1918 года. Известен их план — присоединения навечно Украины, Донбасса и Крыма, овладения Черным морем, Кавказом, Месопотамией, Персией и вторжение в Индию. Пригрозив Москве ультиматумом, они потребовали передачи им Черноморского флота.

В ответ на это черноморские моряки вывели весь флот на рейд в Новороссийске и потопили его. Когда эсминец «Керчь», выполнявший эту операцию, подошел к последнему кораблю — линкору «Свободная Россия» и выбросил торпеду, моряки, стоявшие на «Керчи», сняли фуражки. Линкор, как живой, боролся за жизнь, — сквозь взрывы и потоки воды было видно, как дрожала его мачта. Только после четвертой торпеды он начал погружаться. Моряки утерли слезы и поклялись отомстить за это дело, поклялись победить, не щадя жизней своих.

Меньше, чем в четверть века, наша страна выросла в могучий, нечисленно богатый Советский Союз, грозный для врага и верный в дружбе для друзей своих. И вот перед нами стоят новые жертвы, и снова — то же решение: отдать всего себя, все силы для победы.

Четыре месяца без нескольких дней длится битва — упорная, ожесточенная и кровавая, какой не знало человечество. Германские армии,

мобилизованные для завоевания всего мира, встретили, не ожидая того, жестокого и беспощадного соперника. До сих пор соотношение сил, — вооружения и людской численности, — на стороне немцев. Все заводы Европы готовят вооружение Гитлеру, и даже вводят поправку на бомбардировку его заводов, на саботаж покоренных стран и партизанское вредительство, оружия, в особенности — танков, у него до последних дней было больше нашего.

И все же первая фаза войны — «молниеносной» — была им проиграна. Не удался высокомерный расчет Гитлера: сохраняя свои резервы, возможностями только 175 танковых и стрелковых дивизий, разгромить Красную Армию и бросить Советский Союз, в отчаянии, на колени, на его немилость.

Эта неудача Гитлера повлекла целый ряд серьезных последствий. Она таила в себе ту же неумолимую логику событий, как и роковая неудача немцев под Марной в 14-м году. Неудача Марны, казавшаяся вначале эпизодом, логически привела к разгрому и капитуляции вильгельмовской Германии.

Неудача «молниеносной» войны вызвала со стороны Гитлера необходимость ввести в бой все свои людские и материальные резервы и переставить Германию и покоренные страны на жесткий, голодный, террористический режим; с нашей стороны это дало нам возможность быстрой мобилизации основных сил Красной Армии и военной промышленности, и на шахматной доске истории позволило сделать, — совсем уже неожиданно для Гитлера, — шах королю — трехглавым конем Советская Россия — Англия — Америка.

Вторая фаза войны проходит у Гитлера под угрозой потери инициативы, в системе его стратегического плана получился разрыв, появилась неизбежность зимней кампании, чудовищной растраты людских резервов и вооружения и — в то же время — усиления его противника.

Гитлер теперь ничего не падит: любыми жертвами он хочет поправить первую неудачу, вернуть время вспять и трупами четырех, пяти, энного количества миллионов немцев загородить своего короля от шаха трехголового коня. Предельным напряжением всех сил он добивается окончания войны до зимних холодов или, уж на худой конец, размещения своих армий на зиму в Москве и Ленинграде.

Немецкие дивизии, укомплектованные мальчишками и почтенными немцами, у кого в сердце только — отчаяние и ужас, — наступают. Румынские, венгерские, итальянские дивизии двинуты туда же — в кровопролитную бойню. Все это лезет на наши укрепления, дико вопит, отчаявшись в жизни, гибнет, гибнет, и новые волны идут по трупам. Их поят водкой, их понукают наведенными в спины пулеметами. Это нашествие смертников.

Хотел бы я на минутку заглянуть к Гитлеру в его роскошный кабинет или шикарное бомбоубежище... «Что вы думаете делать дальше, немец, каковы ваши перспективы?»

«Русские отступают!» — заорал бы он, раньше чем отправить меня к палачу, чтобы топором отрубить голову.

Красная Армия отступает, но Красная Армия ни разу не была разбита, вам не удалось ее ни окружить, ни пошатнуть. Не всякий боксер, начавший из последних сил молотить кулаками, не щадя своих скул и носа, выигрывает драку. Тот выигрывает драку — у кого в запасе больше физических и моральных сил. У вас они истрачены, ваш тыл пустой, ваше наступление напоминает августовское наступление Людендорфа в 1918 году, когда он рассчитывал только на чудо — и чуда не совершилось. На какое чудо вы сейчас рассчитываете? Красная Армия опирается на могучий тыл и на волю народа к победе, а ваш тыл похож на гнилое дупло. Красная Армия вас остановит, на зиму вам придется перейти к обороне и поджимать ножки, как тараканам, выброшенным на снег. В наступление вы бросили все, как неразумный игрок, стиснувший от бешенства зубы. Германский бог вам не поможет и не пошлет крылатых Валькирий для весеннего наступления. Вам придется думать об отступлении и бегстве. В Ленинград вам не удалось ворваться, там триста тысяч немцев уже кормят могильных червей. Два раза вы пытались наступать на Москву, — под Ельней ваши дивизии были позорно разгромлены, из-под Бряńska генерал Гудериан едва унес поминув своих танков. Мы не хвастаемся этими нашими удачами, наши удачи впереди. Мы лишь только обнаружили передо всем миром, что немецкая якобы непобедимость — пугало для детей. И вот — примите уверение, что Москвы вам не взять. Красная Армия и русский народ Москву немцам не отдадут.

В третье — октябрьское — наступление на Москву немцы естественно и логично должны были начать с успеха: у них в местах удара было подавляющее преимущество в людской силе и танках. Мы потеряли Брянск, Вязьму и Орел. Москва в опасности.

На этом и закончится вторая фаза войны — отчаянного бешеного наступления Гитлера, но не его победой, о чем он уже широко обещал мир, не зимними квартирами немцев на Тверской, Мясницкой и Арбате, не фотографическим снимком самодовольно ухмыляющегося Гитлера у Спасских ворот Кремля! Нет, поход его на Москву закончится нашей великой всенародной победой: в эти грозные дни германские армии будут остановлены перед Москвой и лягут в снега.

Фронт наших отступивших красных дивизий уплотняется и насыщается. Большое количество артиллерии и других огневых орудий стягивается на подступах к Москве. Подходят людские подкрепления. Англия и Америка насыщают наш фронт могучим вооружением. На всех заводах Советского Союза усиливается выпуск танков, самолетов, орудий, оружия и боеприпасов. Инженеры и рабочие по несколько суток не выходят из цехов, чтобы поднять круто вверх график выпуска продукции. Русское сердце участвовало свои удары, и они, как молотом, набатным колоколом раздаются по всей земле. Москва в опасности!

Мы сравниваемся с немцем в самом насущном, — в количестве танков. И Гитлер оттянет руку от трехголового кося, глядящего ему в кошачьи глаза с непоколебимой ненавистью: умри, погибни!

Наши жертвы велики. Разрушены и разорены города, врагом захвачен Киев — мать городов русских, сожжены без числа села и деревни, вытоптаны нивы, миллионы советских людей стонут под игом свирепых завоевателей — немцев, о которых только можно сказать, что они заставили нас и весь мир перестать верить, будто из Германии когда-то шел тихий и чистый свет науки, философии, поэзии и гуманизма.

Нам самим пришлось погубить любимого первенца наших пятилеток. Мы взорвали плотину Днепрогэса. Когда части Красной Армии, сдерживая врага, позволили закончить эвакуацию всего имущества, был включен рубильник, и красавица плотина, — открывавшая дерзкую и героическую эпоху преобразования в пятнадцатилетний срок отсталой России в передовую страну мощной индустрии и механизированного сельского хозяйства, — взлетела на воздух. Днепр хлынул в брешь в 40 метров длиной, и воды его затопили позиции фашистов на правом берегу. Обнажились пороги, и черным зубом с днепровского дна снова, как встарь, поднимался Неясый, преграждая водный путь.

Днепрогэс строил весь советский народ, отдавая свои сбережения, урезывая насущные потребности. Строили его десятки тысяч строительных рабочих, комсомольцы, инженеры, ученые, строили рабочие на заводах Ленинграда, Москвы, Харькова, Криворожья и других городов, строили его и те безвестные граждане, кто за тысячи верст от Днепра ворчали на скудость жизни и все же несли и свою копеечку строящемуся великому будущему страны. Бетон плотины Днепрогэса уложен на трудовом поте всего ста семидесятимиллионного народа.

Днепрогэс дал жизнь огромному комбинату старых и новых заводов — металлургических, механических, алюминиевых, ферросплавов, коксовых, заводов Днепропетровска, Запорожья, Днепродзержинска, Кривого Рога. Днепрогэс поднял воды Днепра, и пароходы побежали от Орши, — через пороги и шлюзы, — в Черное море. Киев соединился с морем. Прокатная сталь, алюминий, ферросплавы, кокс пошли на заводы Советского Союза.

Дорого бы дали немцы, чтобы весь Днепровский мощный промышленный узел, вместе с питающим его Днепрогэсом, невредимым попал им в руки. Сколько лишних боевых машин построили бы они, как бы пополнили свои катастрофически тающие запасы сырья, сколько бы добавочных снарядов обрушили на наши головы...

Этого не случилось. «В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага... Срывать все его мероприятия... При вынужденном отходе все ценное имущество, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться...» — таковы указания товарища Сталина.

Мы взорвали все шахты в Криворожье, превратили в груды развалин верфи в Николаеве. В городах днепровского промышленного узла

взорваны электростанции, водопроводы и трамвайные парки. В этих еще недавно шумных городах — пустыня и мертвая тишина, по ночам тьма, и воду немцам приходится возить в бочках из Днепра.

Мы сами уничтожили один из мощных узлов металлургии и промышленности. Немцам не досталось ничего, — развалины, пустые корпуса пустых заводов. Все оборудование заводов Днепропетровска, Днепродзержинска, Запорожья, Кривого Рога, Никополя, все машины, станки, оборудование и ценное сырье было одновременно вывезено в глубь страны, в разные промышленные районы, частью смонтировано в новостроенных корпусах, частью обогатило оборудование действующих заводов. И на сегодня в эвакуированных электропечах уже начинает плавиться сталь, станки точат снаряды и растачивают орудия, на станах прокатываются плиты для танков, гидро- и паромолота жуют мощь Красной Армии.

Уничтожая своими руками эти огромные ценности, созданные священной трудом народов нашего Союза для своего грядущего счастья, мы не вытирали слез, у нас их нет, их иссушила ненависть. И клятва наша: — за гибель — гибель. На гибель себе, на гибель фашистским полчищам заставил Гитлер нас дать эту клятву смерти. Миллионами своих могил покроют немцы все дороги от подступов к Москве до линии Зигфрида.

Но не мы, а Германия будет отвечать за все эти разрушения, за наши жертвы. Мы заставим немцев восстановить наши заводы и города до последнего кирпичика. Так будет справедливо. Теперь уже не наши капли пота, а немецкие будут цементировать бетон новой плотины Днепрогэса, немцы пусть за это благодарят Гитлера...

Немцы несут ответственность за те ужасы, несчастья и разрушения во всех странах, куда вторглись немецко-фашистские орды. Немецкому народу — если он не опомнится и не покончит с кровавым режимом Гитлера, вновь придется пройти по кровавым следам своим, но уже не как воину-агрессору, но потрудиться — восстановить разрушенное и залечить наши раны. Так будет справедливо.

Но жертвы самой большой, но Москвы в жертву мы не принесем. Пусть Гитлер не раздувает ноздри, предвкушая этот жертвенный дым.

Звезды над Кремлем кинжальными лучами указывают русским людям: вперед! Вперед на сокрушение врага! Вперед — за нашу свободу, за нашу великую Родину, за нашу святыню — Москву!

Наблюдение за изданием *А. Моисеева*

фв 17525—17526. Подписано к печати 17/ХП-41 г., печ. л. 0,75, Уч.-изд. л. 0,8, тип. зн. в печ. л. 50048 Цена 25 коп.

Тип. изд-ва „Чкаловская коммуна“, г. Чкалов, Ленинская, 42. Заказ № 3688

25 коп.